

Локошенише

ГАЗЕТА ДЛЯ ПОДРОСТКОВ, СДЕЛАННАЯ САМИМИ ПОДРОСТКАМИ

С Днем Победы!

Душа в конверте

Найти бумагу и карандаш, найти безопасное место и время. Писать в окопе, землянке, бомбоубежище, писать в соседнюю деревню или на другой конец страны. Писать, чтоб мама знала, — все хорошо. Ты жив. Письма солдат в Великую Отечественную войну я собрала в один материал, и узнала, что люди в то время не только воевали, но и находили место чувству, противоположному смерти. Информацию я нашла в сборнике Александра Ивановича Лактионова «Письма с фронта».

Александра ЩАГИНА

Все чувства война как будто выжигает из груди, не так ли? Но ты засыпаешь с двумя лишь мыслями, благодаря которым на следующий день ты и просыпаешься: «скорее бы кончилось» и «лишь бы вернулся». Трудно говорить о том, что вы одно целое, когда одна половина находится в сотнях километров от другой. И вместо разговоров — строчки на пожелтевших листах, словно ты держишь в руках самое дорогое украшение, а не клочок со словами «Все еще бомбят. Люблю».

Интересно, кому бы я стала писать письмо, если бы оказалась на фронте? Наверное, маме, сестре и парню. Что бы я в нем писала? Должно быть, о том, что я жива и здорова, и очень скучаю. Когда вокруг летают вражеские самолеты, рядом с тобой взрываются мины, я скорее бы сошла с ума, чем вычерчивала строчки на страницах. Но некоторые

находили силы даже рассуждать о том, что такое любовь. Например, военный журналист Григорий Тертышкин.

«Ксения! Многие говорили, что война постепенно выветривает из души солдата человеческую нежность. Оказывается, подобные утверждения — сущая ерунда. Наоборот, мои чувства окрепли, углубились, превратились в нечто святое, неотъемлемо от внутреннего мира души моей. Я верю в наше будущее. Оно у нас светлое, молодое и прекрасное... А ты в этом будущем олицетворяешь чистоту и прелесть жизни, делаешь ее очаровательной, вечно юной, звенящей, как веселый ручей». (12.11.1942).

Тем, кто летал, не было времени для рассуждений о любви. Письма пилотов были короткими, емкими, по делу. Они думали о том, живы ли те, кто их ждет, потому что ради них, ради их будущего спасаешь страну, и мысли о любви приходят сами собой. Вот парадокс: думаешь одновременно и о счастье, и о смерти. И так еще страшнее.

«Милая Лида! Ты хочешь вызвать меня телеграммой? Нельзя. Не сердись. Полеты в разгаре. И ведь ты же умная, ты понимаешь, что мне доверено самое дорогое — защита Отечества. А чтобы его защищать, надо учиться. Ведь даже тебе я не буду нужен недоучкой. А потом, понимаешь, я эту даму со звучным именем "Авиация" люблю... Так же сильно, как тебя и Волгу. Так что терпи. Жена летчика — это не так-то просто». (Письмо погибшего летчика Юрия Бородина, 1941).

Постепенно, привыкая к жизни на войне, ты забываешь, каково это — жить в квартире, есть на кухне, спать в кровати. Многие солдаты писали родным, что и дома вырыют землянку, по привычке. В военных письмах солдаты и их родные описывали друг другу то, как протекает их жизнь, писали не только об обстановке в стране или о том, как любят, но и чем живут. Как дневник.

«Здравствуй, дорогие мама, папа, Тамарочка. Сообщаю Вам, что я жив и здоров пока. Чувствую себя

хорошо. В настоящее время нахожусь на новом месте. Сейчас приходится много работать. Работа тяжелая, но я к ней уже привык. Насчет питания — дело обстоит хорошо. Правда я не видел зелени и фруктов, но ничего не поделаешь — время военное. На этом кончаю. Пусть пишет письма мне папа. Крепко, крепко целую. Сергей».

Иногда «обыденность», которую люди описывали на страницах, заставляла меня чувствовать страх. Не за то, что в военное время происходили вещи многим хуже смерти, а за то, что люди считали их нормой.

«Папа вернулся с войны хоть и уцелевшим, но очень, очень, очень весь больной. По месяцам жили в болотах, в сыри, спали урывками и не снимая сапоги. Когда снимали, изредка в землянке, где была печка, чтобы обувь просушить, вместе с портянкой вываливались из ног куски окровавленного мяса с кожей. Водкой протрут и заматают снова. На ноги папы страшно было

смотреть... А в легкие и сердце нам снаружи не заглянуть. Рентген сказал, что легких там почти не осталось» (Дочь Моисея Мартынова, 1942).

Война — вещь непредсказуемая. Ты можешь умереть через месяц в бою с немцем, через неделю, завтра, сейчас. В мыслях ты все еще мечтаешь о том, что все это закончится, как родные тебя встретят с вокзала, и что ночью ты будешь спать. Многие солдаты писали, что любят пометать в письмах, для них это было чем-то вроде альтернативной реальности через чернила. А когда мечтаешь, любишь, защищаешь то, что дорого, становится не так страшна мысль о том, что ты можешь умереть через неделю, завтра, сейчас.

«Удивительная тишина вокруг. Кузнечики...Трава...Солнце...Как будто нас сюда на пикник собрали. А люди отсюда уходят на смерть. Но я умирать не собираюсь, у нас с тобой еще так много впереди». Письмо анонимного солдата. (12.7.1941, день смерти).

Во время работы над одним из материалов в эту газету, мы узнали о детях, эвакуированных в начале войны из Ленинграда в Легаевский интернат. Мы увидели рисунки ребят и задумались: а что чувствует ребенок во время войны? Что для него война? Так у нас появилась идея создать своего ребенка, чтобы хоть немного лучше понять то время. Мальчик родился в Ленинграде в конце 30-ых годов. Его отец — военный комиссар, мать — воспитательница в детском саду. Он любит гулять, бегать и рисовать. Из блокадного города его эвакуировали только весной 1942 года на север. Там он пробыл до полного освобождения Ленинграда. Всю войну он рисовал. Его рисунками мы оформили газету.

Редакторы: Дарья ДОИЛЬНИЦЫНА, Роман ГРИШКО

Дворец в военной шинели

О том, как Аничков дворец пережил Великую Отечественную войну, мне рассказала Александра Тимофеевна Бойцова — старший методист СПб ГДТЮ. Также много информации про эти годы я нашла в архивах Аничкова.

Анастасия ТРОФИМОВА

Веселая улыбка, зеленые глаза и короткие волнистые волосы — так запомнилась мне моя бабушка, Нина Васильевна. Когда я была маленькая, она иногда рассказывала мне про свою жизнь в Ленинграде во время блокады. Ей было семь лет, когда началась война, бабушка тогда занималась в Аничковом дворце, в художественном отделе. Несмотря на тяжелое время, она с удовольствием ходила на занятия: «В нас, тогда еще детей, не угасало желание творить. Мы бежали через Аничков мост, спешили, как могли». Рассказывая о дворце, она всегда широко улыбалась.

1 сентября 1941 года, городской Дворец пионеров не смог открыть свои двери для воспитанников. В главный корпус попал артиллерийский снаряд, который разрушил почти весь зимний сад и аквариум. Мужчин, в том числе и сотрудников, массово стали мобилизовать в армию. «К началу войны, на фронт из дворца ушли 39 педагогов, 17 — добровольцы, — рассказывает Александра Тимофе-

евна Бойцова, — Оставшиеся женщины-работники, по указанию Штейнварга, из учебных журналов выписывали адреса воспитанников и искали их по квартирам. Сто ребят были найдены и доставлены в дворцовый детский дом на Стремянной улице. Детей, которых не нашли, искали в списках на эвакуацию, в больницах, у друзей, расспрашивали соседей. Отметки «жив» рядом с некоторыми фамилиями в отчетах не наблюдались. Таким детям приписывалось: «пропал без вести».

Уже осенью 1941 в парадных залах организовали госпиталь, в больницах не хватало мест. Врачи стали здесь жить, не уходя домой, во дворце находилось более тысячи коек, в то время как в других учреждениях часто цифра не доходила и до четырехсот, к работе была подключена бригада из Куйбышевской больницы. Лина Ивановна Щербак в интервью 3 февраля 1986 года вспоминала: «Мне было девять лет, мы с мамой, Антониной Иванов-

ной Егоровой, главным хирургом, прожили во дворце зиму 1941-1942. Из-за холода и постоянных выстрелов, санитарам приходилось спускать больных в бомбоубежище. Только люди в белых халатах напоминали больницу на фоне еле освещаемых мраморных залов».

Рамы окон стали заклеивать фанерой, а раненых укрывать

несколькими одеялами, колонны искрились от инея. Свет не горел, только в операционных, которые были расположены в полуподвале, над кушетками тускло светили лампочки. Врачам помогали ординаторы, среди них был недавно выпустившийся из университета Самуил Абрамович Калашников. Он каждый день ходил от Кирочной улицы к

Невскому проспекту. В самый разгар блокады путь занимал более двух часов. «Я шел, думая о работе, о раненых, которым нужна моя помощь, несмотря ни на какие трудности», — позже рассказывал Самуил Абрамович в интервью. Он помогал на операциях Егоровой и Черновой, единственным хирургом во дворце. «Новогодним подарком» стал указ, в котором говорилось о сокращении четырехсот коек. Правительство города стало считать нахождение здесь госпиталя неправильным выбором. Комиссия выявила, что из 380 людей персонала, всего 280 врачи. Весной 1942 госпиталь был вывезен из дворца.

В мае вышел приказ о возобновлении работы кружков для детей блокадного Ленинграда. 17 мая 1942 года, в день открытия, играл духовой оркестр. Дети смеялись и плакали, но танцевать у них не было сил, даже под самые медленные мелодии. С этого момента городской Дворец пионеров стал снова работать, а 3 июля 1942 здесь был проведен торжественный вечер выпускников ленин-

градских школ. Ленинград был все еще в блокаде, но в центре города снова жил «маленький уголок радости».

После снятия блокады, к концу войны, во Дворце занимались воспитанники. Спустя месяцы в штат работников вернулось более восьмидесяти участников Великой Отечественной войны и блокадников. «Я всегда избегала туда ходить. Однажды, я привела свою дочь во Дворец пионеров на елку. Увидев эти коридоры, лестницы, залы, меня стали душить слезы. Я так и ходила вся заплаканная по «знакомым местам». И только лишь изредка улыбалась, понимая, что у наших детей счастливое детство, без страшного слова «война», — говорила в интервью в 1986 году Лина Ивановна, дочка хирурга Антонины Ивановны Егоровой.

Изучая личные записи Лины Ивановны и других сотрудников в архиве музея, я представляла картины, происходящие в то время. Кажется, Аничков дворец все тот же, но теперь я невольно обращаю внимание на красивые окна, которые когда-то были заколочены, на залы, в которых лежали больные, и осознанно, какую историю хранит дворец.

Рисунок дома

Недавно я узнала о том, что воспитанники «Петрополя» принимают участие во всероссийском проекте «Спасенное детство». Девочки, которые этим занимаются, моего возраста, но уже сейчас работают как профессиональные историки. Они ищут воспитанников Легаевского интерната, в который вывозили детей из Ленинграда с 29 июня 1941 года по 1945 год.

Анна КЛЕПАЦКАЯ

С наступлением войны директору Легаевского интерната Евгению Николаевне Скотниковой приказали эвакуировать детский сад №20 из города. «Нас преследует буква "Л": Ленинград, Лукино и Легаевка», — из воспоминаний Е.Н. Скотниковой.

Дети и несколько воспитателей поехали в деревню Лукино, в Ярославскую область. «Я помню в этой деревне мы играли на полянке, и внезапно стал слышен гул самолетов, враги приближаются. Поэтому нам пришлось быстро уйти», — рассказывает ветеран Исаак Хаимович Фарберов. Ребят снова эвакуировали, на этот раз в деревню Легаевка Чернушинского района Пермского края. Их перевозили на небольшом пароходе по Волге. «Где-то видим пожары от бомбежек. У Рыбинска и Горького тревоги, налеты фашистских самолетов», — писала Скотникова. В Чернушинском районе они остались до конца эвакуации.

Этим летом петропольцы поехали в свою первую «командировку» в Пермский край. В городе Чернушка подростки изучали документы, общались с родственниками тех, кто жил в Легаевке в годы войны. Также ребята исследовали местность, искали здание, в котором располагался интернат, но оно не сохра-

нилось. Однако дом из Ярославской области, первого этапа эвакуации, они отыскали по детским рисункам из архива. Ребята в интернате создавали небольшие картинки, на одной из них и было изображено маленькое деревянное здание, в котором, как оказалось, они жили.

Помимо учебы, дети ставили сценки, играли, работали в колхозе. Они много рисовали, на их картинках были только радостные люди, салют, мирные пейзажи. Также дети любили писать стихотворения. Больше всего мне понравилось «Спасибо Уралу» Исаака Ефимовича Юдбаровского: «Когда заползли к нам проклятые гады и враг Ленинград окружил, ты ласково принял детей Ленинграда, пригрел, приласкал, закалил». Одним из любимых увлечений у ребят была ловля раков на ближайшей речке: «Они кувыркались в реку, приходилось вытаскивать их за ноги. Смеху-то сколько было», — из воспоминаний директора Легаевского интерната.

Однако у жизни в интернате была и другая сторона — одиночество. Возможность связаться с родителями была не у всех, к тому же, некоторые ребята были сиротами. Когда они приехали в Чернушку, местные колхозники говорили: «Привезли сиротиночек».

После того, как эвакуация закончилась, воспитатели хотели связаться с родителями, чтобы отвезти детей

обратно в Ленинград. Тогда было два варианта развития событий: в первом случае дети возвращались домой, а во втором — оставались в детдоме. С семьей Гали Мухиной связаться не удавалось, потому что мама отправилась на поиски своей дочери. Лишь через три года они встретились. Девочке повезло, так как все это время она жила у воспитательницы. Остальные дети оставались в детдоме. «Один мальчик, Валентин Михайлович Трыков, планировал сбежать, потому что хотел в Ленинград, к родителям. Но его, к счастью, не пустили», — рассказывала Ирина Марковна Шарвар, воспитанница интерната.

К сожалению, о нем известно совсем немного, но петропольцы смогли отыскать других ветеранов. «Мы листали онлайн версии старых газет, наткнулись на поздравление ветерана Исаака Хаимовича Фарберова с восьмидесятилетием. После этого я связалась с редактором газеты, оказалось, что это выпускник Аничкова дворца. Он сразу дал адрес Исаака Хаимовича со словами: "Для дворцовцев ничего не жалко!"», — рассказывает руководитель клуба Анна Евгеньевна Ладьяжникова.

«Этот проект ценится не только в Аничковом дворце, но и в России, так как у нас очень большая социальная составляющая, то есть люди, которые были свидетелями прошедших событий. Благодаря им мы узнаем большое количество информации, потому что ветераны с радостью рассказывают нам свои истории», — говорит Елена Павловна Стальмак, руководитель исследовательской деятельности. Поговорив с участниками, я поняла, что для каждого этот проект очень дорог, однако совершенно по-разному. К примеру, Лизе Белобородовой интересно изучать историю детей, а Кате Витинской важно найти что-то новое в истории.

Мне кажется, что это уникальный проект, он необычен из-за кропотливой, объемной и сложной работы. Несмотря на то, что педагоги и ребята уже много сделали, у них в планах еще исследование новых архивов, изучение биографии воспитателей, детей, а также весенняя конференция в Некоузском районе Ярославской области.

Маленькие бойцы осажденного города

Аглая ТИШКОВА

Во время блокады из Ленинграда было эвакуировано более полутора миллионов жителей, почти половина из которых — дети. Многие из них так и остались жить в других краях. Поиск этих людей — одна из задач межрегионального проекта «Спасенное детство». Он был инициирован Уполномоченным по правам человека в Пермском крае Павлом Владимировичем Миковым и Уполномоченным по правам ребенка в Санкт-Петербурге Светланой Юрьевной Агапитовой в сентябре прошлого года и будет продолжаться до 9 мая 2020 года. Участники проекта не только находят жителей блокадного города, но и изучают историю работы школ того времени, пишут исследовательские и творческие работы, организуют встречи. Так, 25 ноября в Аничковом дворце состоялась открытая городская конференция «Я на войне был школьником блокадным...»

Первая часть мероприятия прошла в Белоконном зале. Там была выставка детских творческих работ и экспресс-выставка из фондов школьных музеев «Реликвии рассказывают». Можно было посмотреть на фотографии ребят, которые учились в блокадных школах, увидеть их личные вещи, документы и письма. Например, в музее 238 школы сохранились архивные снимки двух ее учеников — Марии Антониевич и Валентина Мордасова. Здесь был потрясавший школьный портфель Валентина — тот, с которым он, второклассник, ходил на уроки во время войны. Рядом лежало письмо Марии к родителям. Она писала из эвакуации. На небольшом листке бумаги круглым детским почерком было выведено: «Мы сейчас приехали в Рыбинск. Очень скучно. Мама, если сможешь, приезжай потом. Привет всем! Ваша Муся».

После выставки состоялась общая встреча участников конференции в Концертном зале. Ее открыла Елена Борисовна Спасская, начальник отдела воспитательной работы и дополнительного образования Комитета по образованию. В своей речи она сказала о том, что

несмотря на все трудности, процесс обучения в блокадном городе не был остановлен. Этому посвящена книга ветерана Великой Отечественной войны Валерия Николаевича Селиванова «Стояли как солдаты». Он был научным руководителем конференции. Почти всю блокаду Валерий Николаевич прожил в Ленинграде. Его отец погиб на фронте, а мать, работавшая на Левашовском хлебозаводе, умерла от голода. В их дом попала бомба, и раненого мальчика увезли в больницу, а позже отправили в приют. В своей речи Валерий Николаевич с теплом и уважением говорил о своих воспитателях и учителях, которыми он восхищается до сих пор.

Жизни школьников в эвакуации, а также о работе образовательных учреждений в блокадном Ленинграде рассказали участники конференции. Учащиеся старших классов, преподаватели и методисты поделились своими находками в исследовательских работах. Приглашенные эксперты — ветераны войны и историки — дополнили сообщения, давали выступающим рекомендации по дальнейшему изучению истории школ.

Я побывала в одной из семи секций, которая располагалась в кабинете клуба «Дерзание». Выступления были посвящены подвигам учеников и учителей, работавших в условиях блокады, исследованиям работы учебных заведений во время войны. Например, студентки медицинского колледжа Екатерина Кольцова и Софья Грицынина рассказали о Ксении Владимировне Ползиковой-Рубец, авторе книги «Они учились в Ленинграде». В основу произведения лег личный дневник Ксении Владимировны.

В книге рассказывается история нескольких школ, в начале блокады объединившихся в одну — 239. Ксения Владимировна преподавала там во время блокады. Занятия в школе начались раньше, чем в остальных учебных заведениях города, и уже в начале октября 1941 года она была открыта. Учителя старались проводить уроки увлекательно, они хотели отвлечь ребят от ужасов войны хотя бы ненадолго. «К урокам готовлюсь работы и дополнительного образования Комитета по образованию. В своей речи она сказала о том, что

столько тяжело на душе, столько тревог, слушать тусклую речь они не будут. В то же время нельзя им показывать, как это трудно», — пишет Ксения Владимировна в своем дневнике.

В 1942 году учеников стало гораздо меньше, а на медосмотре обнаружилось, что почти все они были больны дистрофией, многие — цингой. Ни одна блокадная школа не смогла сохранить полный состав обучающихся. Многие дети вместо школы ушли на фронт, начали работать, вместе со взрослыми спасали город.

В заключение мероприятия научный руководитель конференции Валерий Николаевич Селиванов произнес такие слова: «Мы, ветераны, должны делать все возможное, чтобы прийти в школы, детские сады, студенческие аудитории и рассказывать о том, как дети защищали Ленинград. Надо обязательно идти, пока мы живы — идти к молодежи. Рассказывать о том, как бывшие школьники, которые должны были продолжить учиться, во время блокады пошли на заводы, на фронт, работали в больницах и госпиталях. Рассказать о том, как они — простые пацаны и девчонки — помогая взрослым, били врага, жертвовали своей жизнью, погибали от голода. Мы должны успеть рассказать о великом подвиге, который совершили эти дети, спасшие наш город».

Ритм сердца метронома

Сейчас мне не нужна машина времени, чтобы побывать в блокадном Ленинграде. Мне хватает нескольких проводников по узким улочкам и широким проспектам города: это интервью с Валентином Евгеньевичем Федотовым, преподавателем клуба «Петрополь», воспоминания очевидцев, а также истории, запечатленные на пленке фотоаппаратов. Собрав информацию о блокадном городе, я проведу экскурсию по Ленинграду. Город на фотографиях оживает, мне кажется, что я начинаю слышать даже звуки.

Екатерина ЕРШОВА

Почти всю войну по Невскому проспекту ходили трамваи, не только пассажирские, но и грузовые. Я будто бы вижу, как один из них замедляет ход, издавая тихий стон, когда беру в руки первую фотографию. Вижу на деревянном щите рядом с путями огромными буквами черной краской написано: «Тихий ход. Опасно. Неразорвавшаяся бомба». Следующая карточка. Едут танки. Под их гусеницами трещит дорога. На втором плане виднеется кинотеатр «Художественный», где каждый день на протяжении Блокады собирались полные залы, чтобы посмотреть фильм «Три мушкетера». Рядом с кинотеатром давно не работающая фруктовая лавка, книжный магазин и пункт приема ненужных электроприборов с разбитой витриной. Почти все магазины закрыты, лишь недолго в первый год войны в городе работает несколько частных лавок, где за огромные деньги можно купить масло, сахар, буханку белого хлеба и овощи. Но недалеко, на пересечении Невского и Литейного, расположился пункт выдачи еды по карточкам «Ленжилснаб. Универмаг N2», около которого выстроилась очередь голодных ленинградцев. Дети цепляются за одежду матерей, хмурый мужчина в шапке-ушанке читает газету, а от прилавка отходит женщина в платке, прижав к груди небольшой кусочек хлеба. Рядом стоит мальчик. Он раздаст листовки, составленные сотрудниками Ботанического сада. В них даны рекомендации горожанам — какие растения можно есть, как сделать, чтобы они были съедобны и где их можно найти.

Держу в руках новую фотографию. Дверь слегка приоткрыта. За ней расположилась одна из немногих библиотек, продолжающих функционировать во время войны. За дверью ходят, укутавшись в

воротник пальто посетители, едут работники, а в задней комнате на печурке стоит небольшой чайник с горячей водой. Там же в дорожку собираются библиотекари-передвижки. Они отправляются в госпитали Ленинградского округа, где раненные ждут книги. Им предстоит долгая дорога, которая часто проходит по Невскому, мимо Елисеевского магазина.

Он закрыт. Окна и двери заколочены досками, так что даже щелей нет. Для горожан это очередная заброшенная комната. Но если зайти во внутренний дворик со стороны Малой Садовой, можно увидеть дверь, за которой располагается настоящий склад деликатесов. С одной стороны, фруктовый отдел, напротив него — мясной, недалеко от них кондитерский, где всегда пахнет шоколадом. А чуть подалее, в другом конце зала — алкогольные товары. В здании находится секретный спецраспределитель, по-другому «Гастроном №1». Еда для «избранных» — крупных ученых, руководителей предприятий, выдающихся деятелей искусства — раздается в строго отведенное каждому время (чтобы не образовывались очереди) по специальным книжкам. Обычные граждане купить еду

сверх нормы могут только летом, когда открываются рынки.

Гостиний двор предстал передо мной почти полностью разрушенным из-за попадания в него нескольких фугасных снарядов и пожара зимой 42-ого года. В тот день его тушили всем городом, боялись, что огонь перекинется на Публичную библиотеку. Пожарные цистерны были полупустые, а канализация и водопровод в городе не работали. Пришлось сверлить лед на канале Грибоедова. Но достать хоть немного воды так и не удалось, из-за сильных морозов канал промерз насквозь. Чтобы остановить огонь пожарные стали разбивать деревянные конструкции здания, его забросали снегом, на следующее утро огонь потух.

На еще одной фотокартонке под землей на недостроенных станциях метрополитена живут несколько тысяч человек в одной комнате, это похоже на огромную коммунальную квартиру. Кто-то спит прямо на лестницах, прижав ноги к груди и опустив на них голову, а кто-то живет на рельсах или платформе, постелив несколько одеял. Некоторые отделы «свои жилища» чемоданами, а кому-то комфортнее спать в тесноте, сохраняя тепло.

Казанский собор серьезно пострадал от бомбежек, часть здания

была разрушена, но в подвальном помещении продолжал работать детский сад. А в Исаакиевском развернулась настоящая научная деятельность. Музейные работники спасают не эвакуированные экспонаты: зимой их расставляют ближе к печкам, пряча от мороза, а летом в южном портике собора их «лечат воздухом», вытаскивая на улицу в спокойные минуты между бомбежками.

В Ленинграде работает только театр Музыкальной комедии, на улице Ракова, 13 (сейчас Итальянская). Его артисты играют на сцене все 900 дней Блокады, а после одного из обстрелов переезжают в Александринский. В театре постоянный аншлаг, за билет люди иногда отдают самое ценное — кусок хлеба. Ленинградцы ходят и в церкви — в Князь-Владимирском соборе на Петроградской стороне ежедневно проходит по две службы — в девять утра и четыре дня, чтобы прихожане могли успеть домой до комендантского часа. Как и в мирное время создаются семьи, люди влюбляются, рождаются дети. Работает ЗАГС на Садовой и шесть родильных домов. Многие матери теряют детей в первые дни после родов из-за голода и отсутствия хороших медикаментов. Некоторые из этих женщин пытаются хоть чем-то помочь другим. Сидят с детьми, помогают врачам, вскармливают чужих малышей.

Сложно представить, что в военное время люди могли по-настоящему жить. Не просто бояться, голодать, умирать, а продолжать именно жить. Город дышал — дымом из труб заводов и печей. Он двигался — вместе с транспортом и людьми. Плакал сиреной и смеялся — залпами победных выстрелов пушек. Его сердце не прекращало биться. Метроном стучал.

На втором плане

Думаю, если мы хотим знать свою историю, а значит, и один из самых сложных периодов — 1941-1945 годы, то помимо общей информации нам нужно обращать внимание на менее известные факты. Чтобы узнать о них, я поговорила с историками Владимиром Бессоновым, Ириной Вдовиной и экскурсоводами «Музея железных дорог России» и «Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда» Николаем Шевчуком и Татьяной Семеновой.

Анастасия НОВОЖИЛОВА

К истокам

Пропаганда Советского Союза в первые годы войны изменилась: интернационализм, рабоче-крестьянские лозунги и революционные призывы уступили место возрождению традиций царской России. В 1942 году учреждаются ордена Суворова и Кутузова: орден Суворова выдавался за удачные наступательные операции, орден Кутузова — за организованное отступление с минимальными потерями. В армии появились погоны, хотя раньше их не было, ведь в погонах ходили белые офицеры во время Гражданской войны. Если до войны был орден «Боевого красного знамени», то во время войны он стал называться «Орден славы». Когда в 1943 году появились Суворовские погоны, в приказах было написано, что они созданы «по типу царских кадетских школ».

Сила веры

В первые месяцы войны стали открываться церкви. В городах и селах собирались сходки верующих, на которых избирали уполномоченных по ходатайствам об открытии храмов. Многие храмы появлялись стихийно, даже не имея юридического оформления. Советское руководство разрешило открывать церкви на территории, не оккупированной немцами. Преследования духовенства прекратились.

Взаимовыручка

Духовенство стало участвовать в организации противовоздушной обороны, работало в госпиталях, прачечных, пекарнях. Особое значение имели сборы средств покровию на помощь сиротам и восстановление разоренных областей страны. В 1943 году митрополит Сергей получил письменное

согласие на открытие благотворительного банковского счета для финансирования Красной армии. Одни только жители Ленинграда внесли на этот счет около 16 миллионов рублей. Эти деньги также пошли в помощь заводам города, выпускающим боевую технику, которым нужно было во много раз увеличить ее выпуск. Фронт проходил в четырех километрах от цехов, но даже под обстрелами рабочие Ижорского и Кировского заводов выпускали танки и снаряды. Также ценой больших усилий удалось организовать работу на предприятиях, выпускающих суда. Например, на заводе «Русский дизель» было организовано изготовление и ремонт дизелей для подводных лодок, на заводе «Экономайзер» — турбомеханизмов.

Дорожные трудности

Около 90% от всего транспорта в войну составляли поезда. Железнодорожникам приходилось прибегать к технической смекалке, чтобы одолеть огромный поток различных перевозок, — скоростному формированию составов. Нужно было очень быстро и безошибочно перебрасывать вагоны с одной дороги на другую: фронт не ждал. Команданты воинского эшелона становились абсолютными хозяевами положения: если поезд задерживается, они подбегали к машинисту с пистолетом и требовали немедленно ехать. Машинистам приходилось маневрировать скоростью: они либо резко тормозили, либо начинали ехать быстрее. Чтобы отвлечь внимание противника от перевозок, обмануть его, железнодорожники ставили ложные станции, имитировали интенсивные перевозки.

Решения по работе транспорта и заводов, возвращение традиций и веры способствовали началу победного пути.

Стены памяти

Гуляя по центру Санкт-Петербурга, я всегда думаю, что жилые дома, соборы и дворцы стоят здесь уже 300 лет — целые и непоколебимые. На самом же деле большинство зданий было полуразрушено во время блокады. Но самые ценные памятники истории и культуры, музеи и храмы остались без серьезных повреждений только благодаря героизму их сотрудников. Они дежурили на крышах, гасили снаряды, спасали экспонаты, иногда ценой собственной жизни.

Ксения МИТРУШИНА
Ульяна МАКАРЕВИЧ

Исаакиевский Собор

Собор — громадное здание, 24 колонны и скульптуры ангелов по периметру фасада. Стоит поднять голову — утыкаюсь взглядом в позолоченный купол. Кажется, что его покрыли позолотой несколько дней назад. На самом деле, своды собора, как и он весь, перенесли множество реконструкций: огромный купол служил ориентиром для немецких летчиков, на фоне других зданий он сильно выделялся. К июню 1941 года кровлю собора покрыли защитной масляной краской, это помешало немцам обстреливать город. Налеты совершались только ночью, поэтому наверху здания действовал «слуховой отряд», в котором состояли девушки с музыкальным образованием и слепые с обостренным слухом. Было создано единственное в своем роде военное подразделение в составе двадцати человек для незрячих людей. Они слушали, откуда доносится звук приближающихся самолетов и докладывали об этом, чтобы выиграть хоть немного времени.

По распоряжению Ленгорсовета, было образовано Объединен-

ное хозяйство музеев, сотрудники которых перевезли большинство ценных экспонатов в собор, скрыв их под толстыми сводами от налетов. Экскурсовод Анна Литвинова рассказывает: «Ящики стояли друг на друге прямо посреди зала собора, работникам приходилось каждый день проверять состояние всех предметов, перебирая ящики. Было сделано специальное расписание, в котором указывалось, сколько времени нужно посвятить сушке, осмотру каждого экземпляра. Часто говорят, что предметы хранились в подвале — это было невозможно потому, что вниз ведет узкая, винтовая лестница. Коробки с картинами или мебель спустить туда без нанесения урона было очень трудно». Проблемой также стало состояние подвала — в теплое время года, когда холодные стены отмерзали после зимы, в помещении скапливалась вода, стоявшая на уровне пяти-шести сантиметров. «Работники музеев, жившие там с зимы 1941, ходили по тонким деревянным настилам. В помещении не было ни тепла, ни электричества. Если человек оступался и падал в холодную воду, воспаления легких ему было не избежать — в первую же зиму умерло двадцать чело-

верях. Сотрудники приложили максимальные усилия для их спасения. Уносили домой все — даже пальмы. Но самое большое внимание уделялось кактусам. Николай Иванович Курнаков, ученый-садовод, всю коллекцию этих растений держал в своей небольшой квартире, где все было ими занято: подоконники, столы, пол. Лишь небольшая дорожка вела к свободной от кактусов кровати. Николай Иванович спас 162 вида, за которыми ухаживал на протяжении всей блокады. До конца войны он не дожид и умер от голода в 1944 году. Все сотрудники сада относятся к экспозиции с особой нежностью: «Наши кактусы спасли природная живучесть и теплое отношение, ведь самое страшное для них — это не холод и отсутствие воды, а человеческое равнодушие», — говорят сейчас в Ботаническом.

Ботанический сад

Когда я гуляла по Ботаническому саду, я заметила георгиевские ленты на некоторых растениях. Как потом оказалось, такой знак отличия получали растения-ветераны, которые пережили блокаду. Около сотни из них до сих пор растут в оран-

жереях. Сотрудники приложили максимальные усилия для их спасения. Уносили домой все — даже пальмы. Но самое большое внимание уделялось кактусам. Николай Иванович Курнаков, ученый-садовод, всю коллекцию этих растений держал в своей небольшой квартире, где все было ими занято: подоконники, столы, пол. Лишь небольшая дорожка вела к свободной от кактусов кровати. Николай Иванович спас 162 вида, за которыми ухаживал на протяжении всей блокады. До конца войны он не дожид и умер от голода в 1944 году. Все сотрудники сада относятся к экспозиции с особой нежностью: «Наши кактусы спасли природная живучесть и теплое отношение, ведь самое страшное для них — это не холод и отсутствие воды, а человеческое равнодушие», — говорят сейчас в Ботаническом.

Все свободные газоны и оранжереи в Ботаническом саду засеивали рассадой, чтобы хоть немного прокормить голодающий город. Также сотрудники сада производили простейшие лекарства. Ботанический превратился в своеобразную фармакологическую фабрику, на которой делали вита-

мины для горожан, болеющих цингой, заменяли вату торфяным мхом и выращивали шампиньоны для госпиталей. Наравне со взрослыми сажали лекарственные растения дети, прожившие всю блокаду на территории музея.

Кроме спасения растений, Ботанический, как и Эрмитаж, вел просветительскую деятельность. Была открыта библиотека, проводились лекции, выпускались брошюры о выращивании овощей, о съедобных и ядовитых дикорастущих растениях, подборки рецептов блюд из одуванчиков, лопухов, крапивы.

Спас на Крови

Как и большинство церквей во время блокады, Спас на Крови превратился в морг. Название поменяли на Дзержинский. Экскурсоводы собора упоминают, что он также являлся овощным складом, за что ленинградцы называли его «Спас на картошке». Несмотря на забавное название, Спас во время войны был жутким местом: полуразрушенные стены, трупы, фугасный снаряд в куполе массой 150 кг. Он попал туда в начале войны и пролежал, никем не замеченный, двадцать лет. В

1961 году сапер Виктор Демидов с командой извлек бомбу и вывез ее из города.

О храме ходит много легенд, которые рассказывают экскурсоводы: «Одна из наших икон, которая хранится в запасниках, предсказывает роковые для России даты. Например, 1917 и 1941 годы. На ее полотне проглядывают эти и другие числа, но большинство из них так и не расшифровано. По легенде, нужные даты проступают тогда, когда приходит их время. Также, согласно другому поверью, собор считается счастливым. До войны он избежал угрозы нескольких сносов, а во время блокады ленинградцы заметили, что снаряды задевали его, но всегда пролетали мимо, поэтому подвалы Спаса на крови являлись еще и бомбоубежищем».

Ленинград продолжал жить и работать во время блокады благодаря жителям. О специалистах, благодаря которым в Ленинграде создавались необходимые лекарства, о рабочих музеев, благодаря которым сейчас мы можем зайти в Эрмитаж и увидеть картины прошлых лет. Сохраняя билет в Исаакиевский на память в кошельке и собираясь вернуться в собор снова.

Расскажи мне о войне

Мария КОЗЛОВА

У меня в руках медаль — орден Красного Знамени. Потемневший от времени, но все еще выглядящий гордо: бордовый флаг, крупные золотые буквы. Он остался от прадедушки, который погиб в 1944 году. А потому и рассказов о войне я от него никогда не слышала. Зато слышала их от дедушки, который родился спустя неделю после начала войны и жил с семьей в блокадном Ленинграде. Он говорил, что в десятером в 12-метровой комнате на Большой Конюшенной (тогда — улица Желябова) жилось совсем не так плохо. Он рассказывал, как взрослые в конце дня приносили в дом продукты, после чего их распределяла бабушка между всеми членами семьи. Рассказывал, как один из живших в той квартире подростков — Юра Струев — каждый день ходил через весь блокадный город на молочную кухню за соевым молоком. Рассказывал о дыре от бомбы в стене дома. С рассказами дедушки — такими настоящими и надежными — война тоже была для меня настоящей. Переворачиваю медаль — вторая сторона потускневшая и пустая. Дедушка умер пять лет назад. А

с ним — и рассказы о войне, в которые веришь. В учебниках я находила либо рассказы о героических подвигах, либо о страшных ужасах блокады — будто жизни во время нее и не было. За прошедшее с окончания войны время вариантов изложения ее истории становится все больше, а что из них правда — непонятно.

Зато вместо фактов появляются мифы. «Под мифом подразумевается определенный способ изложения истории — с позиции того, кто его создает», — рассказывает Никита Андреевич Ломанин, доктор исторических наук. Мифотворчество в военной истории, на мой взгляд, вещь довольно опасная, поскольку она во многом меняет представление о самой войне. А когда теряется правда, теряется и приобретенный с этой правдой опыт, а значит, прошлые ошибки могут с легкостью повториться. Притом, миф — это не только выдуманная история, но и изменение существующего факта или его замалчивание. Например, уже несколько раз менялось представление о роли Америки в Победе. В девяностые, упавшим для России годы, властям было важно не испортить отношения со Штатами, поскольку они почти за бесплатно постав-

ляли еду в голодающую страну. Тогда говорили, например, о том, как они поставляли нам танки и авиацию во время войны. «Но на самом деле вклад их составлял всего 4% от общего числа военной техники, к тому же, после войны Россия полностью за эту помощь расплачивалась. А когда закончилась поставка еды, изменились и взгляды — Победа перестала принадлежать России и Америке в равной степени», — рассказывает мне учитель истории Татьяна Николаевна Яхонтова.

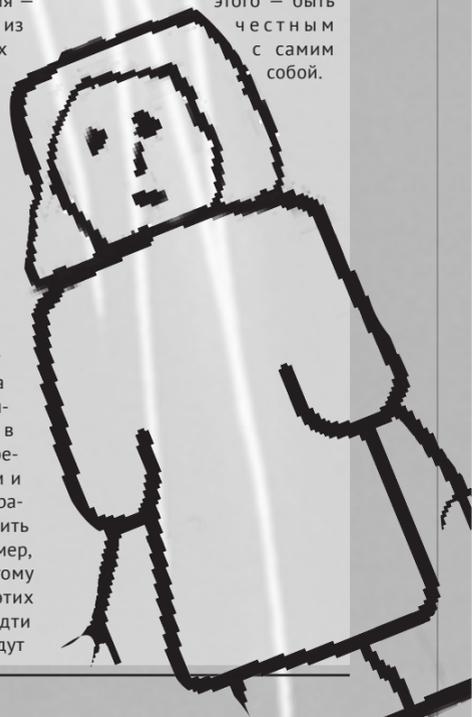
Мифотворчество важно отличать от пропаганды, поскольку эти явления довольно схожи. «Например, если сложить все сводки Совинформбюро о потерях немецкой армии, то получится, что она должна была исчезнуть еще к концу 1941 года. Такая информация распространялась с целью мобилизации населения, подъема духа, подкрепления позиции «мы сильны!»», — говорит Никита Андреевич. И это — пропаганда, она выгодна и власти, и народу. Мифы же обычно возникают в «смутные времена», когда достоверных источников информации, за исключением очевидцев, нет. «К примеру, история с героями-панфиловцами: в советских газетах писали, что рота из 28

человек смогла остановить 50 немецких танков и уничтожить 18 из них. На деле же там было больше сотни человек, которые повредили шесть вражеских танков — и узнавали об этом со слов людей», — рассказывает мне Никита Андреевич.

Получить об истории более объективное представление на самом-то деле несложно. У историков есть целый ряд источников, на большинство из которых обычный человек может посмотреть в музеях — например, в Музее обороны и блокады Ленинграда, где находится около 19 тысяч рукописно-документальных материалов. Один из источников — это информационные сводки об общих настроениях людей во время войны, произведенные органами власти: что советский человек думал, какие вопросы задавал на собраниях, как работал. Другой тип документов — материалы военной цензуры. Все письма, отправленные из одного прифронтового города в другой, читало около 850 девушек-цензоров, чтобы ненужная информация никуда не уходила. Много интересных фактов можно узнать и на образовательных интернет-проектах — таких как «Арзамас» или «Дилетант».

Жить в окружении мифов гораздо проще. Но без исторической подлинности я, как и окружающие меня люди, понимать причины и следствия в истории своей страны просто не смогу. «Сейчас в исторических исследованиях есть такое модное направление, которое называется «история памяти» или коммеморация — то есть, то, что мы берем из истории для собственных целей. «Полезная» история, можно сказать: вот это мы хотим помнить, а вот это нет», — рассказывает мне Никита Андреевич. Такая избирательность в истории может в конце концов привести к тому, что образ войны в массовом сознании станет совсем другим, героическим и красивым, а явления вроде неонацизма будут только развиваться. Никита Андреевич историю сравнивает с совестью: ее тоже, в принципе, всегда легче перекрыть каким-нибудь мифом и убедить себя в своей же правоте. Но чтобы не допустить прошлых ошибок и, например, не дать вновь развиться тому же нацизму, в ошибках этих нужно разобраться и идти дальше. Однако мифы будут

появляться в любом случае, у каждого события всегда найдется несколько вариантов изложения, даже если у этого нет каких-либо целей — просто взгляд на некоторые вещи меняется с течением времени. Важно только этим мифам не позволять перекрывать что-то действительно важное. А для этого — быть честным с самим собой.

Нестрашно о страшном

Я сижу за старинным столом в небольшом читальном зале газетного отдела Российской Национальной библиотеки на Фонтанке и листаю огромные желтые листы газет 40-ых годов. Мне еще нет 18 лет, так что по правилам библиотеки мне смогли предоставить лишь одно издание — «Советское искусство». Там же, за большим монитором компьютера, я рассмотрела еще два издания — «На страже Родины!» и «Правда», прочла исследования о быте военных корреспондентов.

Ксения СКАРЛЫГИНА

По статистике сайта «Мемориал» (база данных о погибших или пропавших без вести в период с 41-ого по 50-ые года), во время Великой Отечественной войны журналистов в процентном соотношении +о больше всего: ни летчиков, ни моряков, а именно фронтовых корреспондентов. Им приходилось участвовать в сражениях, форсировать водные преграды, действовать в разведке. А в перерывах писать о

боях, о быте солдат, контролировать отправку материалов в издания. Так корреспонденту газеты «Правда» Сергею Борзенко пришлось работать над новым материалом на следующий же день после тяжелого сражения, где он был вынужден командовать десантом. Когда для освещения событий журналист прибыл на Керченский полуостров, где развернулись сражения, оказалось, что в битве погибли все офицеры; Борзенко был майором и, как старший по званию, взял оборону небольшого «пятка» на себя. Днем сражения, ночью материалы — суровая рутина корреспондента Великой Отечественной войны.

Глава 1. Фронт и тщательная маскировка

«Противник настойчиво и неоднократно пытался перейти госграницу, но каждый раз огнем и контратаками наши войска отбрасывали его на исходные позиции», — так газета «Правда» пишет о положении на фронте в своем номере 1942 года. И хотя большую часть выпусков занимают материалы о сражениях, хронологии всех битв, четкое описание всех действий нашей и гитлеровской армий, о наших поражениях практически

не говорится. И за проскользнувшим «город оккупирован» сразу следует «... но наши солдаты сильнее всех. Пострадавших очень мало».

13 августа 41-ого года в газете «Сталинская правда» вышло постановление «О работе на фронте специальных корреспондентов». Я нашла этот документ, и в нем четко поставлена основная задача военных журналистов: показывать стойкость и дисциплинированность бойцов. Но иногда в газеты все-таки просачивались жестокие рассказы с фронта.

Меня поразила история одного солдата в номере газеты «На страже Родины!»: в захваченной деревне два немецких офицера посадили колхозных детей за стол и налили им по тарелке супа. Запретили есть. Сфотографировали это «застолье» для прессы, отобрали тарелки и перед матерями «выпоролы малышей нагайками». Солдатам нужно было верить в то, что их дети и жены не увидят фашистов. А иначе зачем воевать?

Глава 2. Тыл и сладкие деньки в Одессе

Просматривая эти газеты, я также заметила, что о городах, деревнях, о жизни в тылу в них говорится очень мало. Например, в выпуске от 25 октября 1941 года подробно описывается положение только сербских и польских пленных, а о наших оккупированных городах говорится сквозь строки в «записках прусского офицера»: «С массовым убийством наступаем на рус-

ский город. Сейчас он отчищен». Жизнь в тылу

была не так важна, как военные действия, несмотря на то, что именно городам и деревням фронт был обязан всем: благодаря заводам Ленинграда, Москвы, Зауралья армия получала оружие, продовольствие. Жителям этих городов нужна была поддержка, но СМИ о проблемах тыла не писали.

Я нашла лишь один материал в газете «Советское искусство» (в №41 от 16 октября 1941 года), об оккупированной Одессе. Но в нем описывалось следующее: «В румынских газетах пишут о том, что в Одессе паника, на улицах все вымерло. А на улицах Одессы кипит жизнь. Люди уверены в победе, уверены в стойкости своего любимого города. Они улыбаются, пьют сидро на улице Чкалова и рассказывают анекдоты», — в это время в Одессе идет жесточайшее истребление евреев и цыган.

В словах журналистов явно заметен этот «натянутый рассказ о спокойной жизни». Но может и хорошо, что я, как и жители СССР, прочла только о теплых деньках в Одессе, об улыбках и людях, пьющих сидро на улице Чкалова.

Глава 3. Герой того времени

Маша Погодина до войны была обычным парикмахером, затем уехала на фронт и стала медсестрой при танковой

бывла не так важна, как военные действия, несмотря на то, что именно городам и деревням фронт был обязан всем: благодаря заводам Ленинграда, Москвы, Зауралья армия получала оружие, продовольствие. Жителям этих городов нужна была поддержка, но СМИ о проблемах тыла не писали.

Я нашла лишь один материал в газете «Советское искусство» (в №41 от 16 октября 1941 года), об оккупированной Одессе. Но в нем описывалось следующее: «В румынских газетах пишут о том, что в Одессе паника, на улицах все вымерло. А на улицах Одессы кипит жизнь. Люди уверены в победе, уверены в стойкости своего любимого города. Они улыбаются, пьют сидро на улице Чкалова и рассказывают анекдоты», — в это время в Одессе идет жесточайшее истребление евреев и цыган.

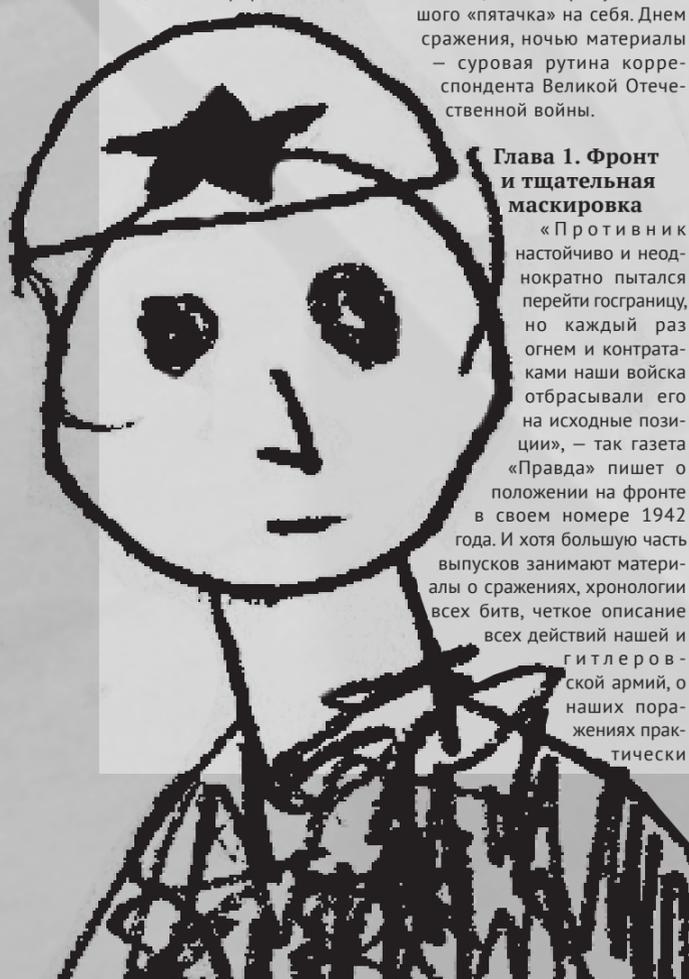
В словах журналистов явно заметен этот «натянутый рассказ о спокойной жизни». Но может и хорошо, что я, как и жители СССР, прочла только о теплых деньках в Одессе, об улыбках и людях, пьющих сидро на улице Чкалова.

Глава 4. Звери
«Убийца», «именно он занес окровавленный нож

прямо в сердце нашей страны», «его окровавленные лапы», «заврававшийся игрок Гитлер» — метафоры о вожде нацизма встречаются на страницах «На страже Родины!» чаще, чем метафоры о Сталине. Почти на всех карикатурах изображен Гитлер, во всех материалах хоть одно слово, но будет сказано о нем и его позиции о войне. В № 270 даже есть отдельный материал под названием «Звери», посвященный идеологии нацизма. В нем рассказывается о воспитании немецкой молодежи, о гитлеровских пытках, об «истреблении фашизма во имя жизни честных людей».

В детстве я не могла смотреть военные фильмы, если они были жестоки, часто отказывалась слушать истории бабушки, пережившей блокаду Ленинграда. Для меня война являлась и является чем-то неприкосновенно правильным, героическим, ужасно страшным.

И, читая СМИ Великой Отечественной войны, мне было интересно и трудно увидеть войну глазами военных корреспондентов.

«Он вчера не вернулся из боя»

Мария БОНДАРЕНКО

Во время Великой Отечественной войны из-за наступления немецкой армии в южном направлении около 13 тысяч человек ушли в Аджимушкские каменоломни, потому что людям было не переправиться через Керченский пролив. У них не было ни воды, ни боеприпасов, но они все равно продолжали обороняться. Об этом событии часто вспоминает мой дедушка, который рос в Керчи после войны. Он рассказывал, что город был целиком разрушен, но в каменоломни тогда никто еще не ходил, мальчишкам было интересно заглянуть туда. Они привязывали ко входу красную нить и шли, держа ее в руках, чтобы не заблудиться. Спускаясь вниз на несколько километров, они видели страшные картины: погибший немец с оружием в руках, прислонившийся к стене у входа; трупы людей, похожих на мумии. Каменоломнями кроме местных мальчишек начали интересоваться и добро-

вольцы, которые спускались туда для поиска без вести пропавших и погибших солдат в этих пещерах.

Сейчас добровольцы называются поисковыми отрядами, они организуют экспедиции на места сражений в Великой Отечественной войне. Их цель — найти и похоронить погибших бойцов, а также поделиться с родственниками информацией.

В Ленинграде и Ленинградской области поисковые работы начались в 1990 году, первым стал отряд «Возвращение». Сейчас в Санкт-Петербурге зарегистрировано 55 отрядов, общая их численность — примерно тысяча человек. Я побывала на научно-практической конференции, посвященной подведению итогов Санкт-Петербургского этапа Всероссийской акции «Вахта памяти-2019» и узнала много нового. Только на территории Санкт-Петербурга было найдено 95 погибших солдат,

восемь из них опознаны, а в Ленинградской области найдено около 5000 погибших. Также проведено шесть торжественно-траурных церемоний захоронения. Захоронения находятся в каждом районе города. Останки солдат немецкой армии много лет отдавали представителям «Народного Союза Германии»,

но сейчас их передают для погребения на военное кладбище, расположенное в деревне Сологубовка Кировского района Ленинградской области.

Установить личность бойца помогают подписанные вещи и медальоны. Они представляют собой маленький черный пенал с запиской-вкладышем внутри, где отмечены личные данные бойца. Найти вкладыш — это удача и большая редкость, потому что многие из них не сохранились. Среди солдат существовало суеверие, что если записать свои данные в медальон, то человек обязательно погибнет, поэтому многие их просто не заполняли. А в 1942 году их вообще заменили на красноармейские книжки, которые чаще всего «погибали» вместе с бойцом. У поисковых отрядов существует еще одна проблема: сейчас уже тяжело найти родственников погибших бойцов. Чаще всего их ищут через архивы, через людей и, в крайнем случае, с помощью социальных сетей. Так, в 2015 году участниками поискового отряда «Патриот» в Республике Карелия был найден и опознан Борис Александрович Крутецкий, боец 3-й Фрунзенской дивизии народного ополчения. Он не был пригоден к службе из-за плохого зрения и работал учителем русского и литературы, но в 1941 году мужчина отправился на передовую вместе со своими выпускниками. С этого времени Борис Крутецкий числился как пропавший без вести. И только

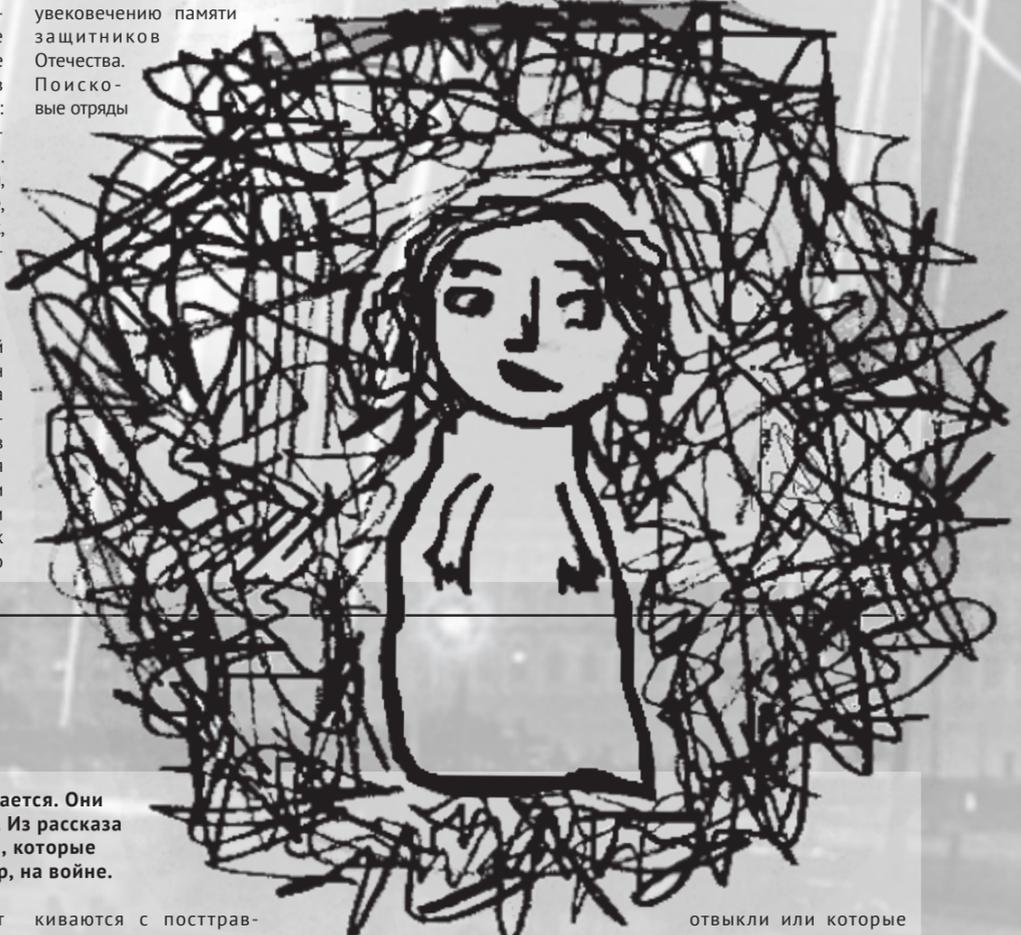
в 2015 году, когда поисковики обнаружили останки на месте боя, дочери Бориса Крутецкого узнали о судьбе своего отца по хорошо сохранившемуся медальону и личным вещам. С дочерьми связались через социальные сети.

После того как я узнала об этой истории, мне захотелось встретиться с ребятами из отряда «Патриот». Руководитель военно-исторического клуба Ольга Пятунина рассказала мне, что они на протяжении пятнадцати лет организуют поисковые экспедиции в район деревни Сяндеба, Республика Карелия. У каждого отряда есть свой командир, но координируются они отделом по увековечению памяти защитников Отечества. Поисковые отряды

определяют место проведения поисковых работ на основании архивных данных и сводок военных действий. Участвуют в экспедиции в среднем восемьдесят человек, они живут в палатках в лесу, вместо душа у них река и палатка-баня, а готовят и следят за порядком дежурные. В качестве подготовки ребята посещают курсы обучающих семинаров по истории, так же им рассказывают, как пользоваться инструментами для поисковых работ (металлодетекторами и металлическим щупом для проверки земли).

Война закончилась 75 лет назад. Из живых родственников погиб-

ших остались только дети и внуки, которые не пережили потерю близкого человека, а знали об этом как о факте. Но это не значит, что тела надо оставить без погребения. Для моей семьи Великая Отечественная война всегда была важной темой. Старшее поколение часто вспоминает, как солдаты спасли моего дедушку от расстрела или помогли семье моей бабушке-еврейке сбежать из деревни ночью до наступления немцев. И мне очень хочется, чтобы каждый солдат, погибший в этой страшной войне был опознан и похоронен с почестями.

На голову ВЫШЕ

В организме человека есть запас резервных возможностей, о которых он не догадывается. Они проявляются неожиданно, человек становится сильнее, выносливее на какое-то время. Из рассказа физиолога Игоря Черняева я поняла, что резервы — это наши физические возможности, которые начинают функционировать, когда человек находится в стрессовой ситуации. Например, на войне.

Богдана ГВАДЖАВА

В книге Ивана Павловича Неумывакина «Резервные возможности организма» я прочитала историю об одном мужчине, которая произошла в годы Великой Отечественной войны. Его придавило огромным куском стены Горьковского автомобильного завода, разрушенного бомбой. Он смог сдвинуть ее, освободил свои ноги и помог выбраться остальным людям. После этого он не смог сделать больше ни шага, он порвал связки и сломал большую берцовую кость. В этот момент вегетативная система организма, которая «следит» за тем, чтобы наши органы беспеременно работали, приостановила функционирование пищеварительной системы, чтобы не тратить энергию на этот процесс и направила все ресурсы на то, чтобы выбраться из-под завала.

Еще одну историю мне рассказал врач-физиолог Игорь Валерьевич Черняев. Партизана, который скрывался на протяжении двух недель в лесу, заметили немцы и устроили на него «охоту». Когда мужчина оказался в ловушке, единственным местом, где он мог спрятаться, была река. Он, вздохнув всего один раз, нырнул в реку и провел около шести минут под водой. Эта история удивила меня, ведь через три минуты он должен

был потерять сознание. Но, оказалось, что у этого человека очень большой объем легких, который он смог использовать. Обстоятельства заставили его раскрыть резервные возможности, которые в мирное время так и остались бы неиспользованным ресурсом.

На войне, как и в жизни, каждый проявляет себя по-разному. Люди очень индивидуальны, у каждого есть резервный запас, но у всех он разных «размеров». Кого-то жизнь на войне закаляет и использовать свой организм на максимум — это норма. А кто-то умирает быстрее других от старых ран и болезней, их организм понимает, что больше нет нужды работать на износ. Иммуитет ослаб и больше не справляется с вирусами, режим питания нарушен, и так почти с каждой системой организма. Но для многих это норма: не есть, не спать, при-

ним этом ничего не случится. Согласно научным исследованиям кандидата биологических наук Олега Глотова, мно-

гие блокадники переводят свой организм в «энергосберегающий» режим работы, то есть они могут усваивать пищу при низком расходе энергии. Поэтому жители блокадного Ленинграда часто живут дольше других людей их поколения.

Большинство людей, прошедших войну имели психические проблемы.

В о е н н ы е , отслужив, нередко не стали

квиваются с посттравматическим стрессовым расстройством. Оно развивается из-за того, что человек на войне находится в постоянном страхе, в напряжении. Люди с этим расстройством раздражительны, тревожны, скрытны. Такое состояние приводит к тому, что истощается нервная система. Человек становится либо подавленным, либо агрессивным. Одно и другое показывает, что накоплено слишком много ран и «душевных», и физических. Эти проблемы могут не проявиться сразу. Человек живет спокойно, у него семья, он работает, а потом может покончить жизнь самоубийством или потерять память, потому что психика «обрушит» в один момент все воспоминания, которые были на время «отложены». Мысли о смерти, голоде и травмах почти исчезают, чтобы во время военных действий была возмож-

ность

принимать решения и сражаться, все переживания лишают возможности принимать трезвые решения. Эти воспоминания чаще всего проявляются во сне, утром человек

будет подавлен. А потом накопившиеся тревоги начинают преследовать ослабленную психику, чувства захлестывают, и человек может не справиться.

Помимо тяжелой эмоциональной нагрузки, проблем с физическим и ментальным здоровьем люди после войны сталкиваются с адапционными проблемами. Ведь на войне приходится справляться с режимом, который требует полного подчинения дисциплине, беспрекословного выполнения приказов. А сами условия войны, как условия выживания, требуют развития инициативности, находчивости и смекалки, чтобы принимать самостоятельные решения в сложной ситуации — без этого просто не выжить в экстремальных обстоятельствах. Так, с одной стороны, воспитывается исполнитель, который чувствует себя беспомощным без четкого распорядка. С другой стороны, формируется сильный характер, волевая личность, способная принимать решения независимо от мнения авторитетов, руководствуясь реальной обстановкой и собственным боевым опытом. Такие люди оказываются «неудобными» для любого начальства в мирной обстановке. Люди, вернувшись с войны, не могут принять правила, от которых

отвыкли или которые после пережитого считают нелепыми. В таких ситуациях появляется «фронтный максимализм». Он выражается в том, что самое простое и быстрое решение конфликта — это драка.

Мы живем в мирное время, и постоянной угрозы для жизни нет, но мы часто не замечаем этой угрозы и того, какой в нас есть потенциал. В прошлом феврале я занималась исследовательской работой и каждый день был очень загруженным. Я забывала поесть, спала по четыре с половиной часа, считая это нормой. И я не чувствовала себя уставшей. К концу месяца у меня начала меняться температура от 34 до 38 и, просыпаясь по утрам, я чувствовала, что это последний день, когда я иду в школу, ведь больше я не смогу. Потом мне пришлось «лечь» в больницу на три дня, чтобы восстановить иммунитет. Этот месяц я жила словно на пределе, но не чувствовала этого, ведь мой организм использовал те самые резервы. Через некоторое время восстановление прошло очень быстро, ведь мы используем наши возможности не полностью. А война ставит в такие условия, что у человека нет выбора. Там они раскрывали себя и свой потенциал. У тех, кто выжил, не было времени на восстановление. Они продолжали жить дальше.

«Я объявляю свой дом безъядерной зоной»

Вероника ФРОЛОВА

В детстве любой разговор о войне для меня был очень болезненным. Помню, что после одного из классных часов, посвященных блокаде, я шла домой с тяжелым чувством и не понимала, почему мои одноклассники так легко переносят разговоры о войне. Сострадание будто бы было вывернуто на максимум. Как-то раз даже всю ночь вязала шаль, потому что для ветеранов собирали теплую одежду. А потом, когда я выросла, все просто оборвалось. Мысли о войне вызвали у меня отторжение. Я перестала вслушиваться в истории классного руководителя, откладывая всю волонтерскую деятельность на «никогда», а война будто бы стала для меня неким табу. Я спрашивала себя, зачем нужно вспоминать о тех событиях и не находила ответа.

В более старшем возрасте я внезапно осознала одну вещь. Думать о войне неудобно. И главная проблема состоит в том, что именно это «неудобно» встает огромной каменной стеной между обществом и желанием почувствовать войну, впустить в себя чужую боль и пережить как

свою собственную. Война, ко всему прочему, является еще и довольно серьезным тестом на человечность. Я поняла, что есть три варианта развития событий. Первый — это быть «человеком без кожи», слышать и видеть чужую боль. Второй — не думать о войне вообще. «У меня достаточно своих проблем, а значит, мне не нужны чужие». Допускается вариация, где ты прячешься за циничным юмором. И, наконец, третий. В котором, по сути, ты тоже прячешься, но этот вариант более социально приемлемый, чем предыдущий. Достаточно сделать вид, что ты по-настоящему переживаешь, то есть сказать пару пафосных фраз, не вкладывая в них никакой искренности и вуаля! Считай, что уже истинный патриот. В какой-то момент для меня стало открытием, что некоторые мои знакомые выбрали именно эту модель поведения. С виду все хорошо: они с трепетом молчат в минуту молчания, выходят запускать салют и могут даже купить гвоздику, чтобы положить на мемориал. Но на этом список «добрых дел во имя Великой победы заканчивается». Потому что о ветеранах можно вспомнить на 9 мая и забыть о них на следующие дни календаря.

В детстве я шла по пути «чувствования», потому что не знала, что можно по-другому. Потом решила, что это требует очень много внутренних ресурсов, а значит, намного легче закинуть войну куда-то далеко, в недра сознания. На меня сильно повлияло культивирование в обществе только хороших сторон жизни, в которых не должно быть боли и переживаний. Например, в Инстаграме становится все более и более популярно вести блоги, они показывают красивую, искусственно созданную картинку. Общество, в котором восхваляются только истории успешных людей и читается мантра «Не вижу проблемы — не имею проблемы», не хочет сталкиваться ни с чем сложным. Поговорив с психологом Михаилом Золотухиным, я поняла, что большинство просто не готово к тому, чтобы чувствовать чужую боль. «Задайте вопрос: захотели бы вы вспоминать, например, о страхе, бессонных ночах, тяготах, лишениях, захотели бы вспоминать о ранениях. Для человека сейчас это лишь еще один источник тревоги», — говорит он. Во время разговора с психологом, меня не покидало ощущение, что все им сказанное больше похоже на избе-

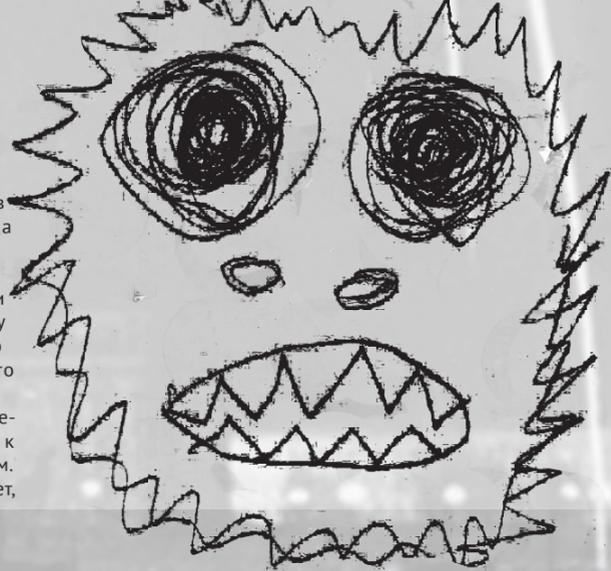
гание. Желание уберечь себя от лишних переживаний. И в этом случае возникает закономерный вопрос: «Будет ли человек, выросший в некой «информационной теплице», погруженный в почву, на которой стоит табличка «жизнь создана только для удовольствия», способен заботиться о других?».

Когда начинаешь думать о войне, первое, что приходит в голову, это совершенно иное взаимоотношение человека и социума. Моя бабушка часто говорила, что на войне слово «я» не существовало. Существовало «мы». «Мы», которое боролось за жизнь целой нации, против идеологии, которая стремится эту нацию уничтожить. Это была борьба против людей, которые возвышали одних и превращала в «отбросов общества» других. Иногда в победе над нацизмом видят исключительно проявление «силы и мощи народа», но то, зачем эту «силу и мощь» необходимо было проявить, почему-то остается за кадром.

Именно это непонимание-неосознание приводит к определенным последствиям. Нападения парней 16 и 17 лет,

назвавших себя «санитарами», вооруженных ножом и слезоточивым газом, на бездомных в Москве. Карта с местами, на которых совершались нападения и убийства афроамериканцев, — проект Марии Магдалены Тункары (более известной как блогер Youngmasha). Подружки из Санкт-Петербурга, арестованные за избивание узбекистанца. По данным ТАСС, в России в тридцать раз больше стали штрафовать за нацистскую символику. А неонацистских организаций в России насчитывается более пятидесяти.

Мне до сих пор страшно слышать и говорить о войне. Но не делать этого я не могу. Потому что это как механизм, который уже запустили, и вернуть все обратно невозможно. Потому что, когда ты осознаешь, что есть нечто большее, чем твои проблемы, что на тебе одном мир не заканчивается, то не видеть боль других просто-напросто стыдно. Правда, иногда становится настолько больно, что хочется, как группа «Кино» закричать: «Я объявляю свой город безъядерной зоной».

Человек придумал войну

Цивилизация пять тысяч лет. Все это время мы меняем формы правления, делаем открытия в науке, создаем предметы культуры, строим города. Да просто живем. А в перерывах — уже пять тысяч лет воюем. О том, что такое война для человека и человек для войны — я поговорила с историком, старшим преподавателем СПбГУ Борисом Григорьевичем Кипнисом.

Дарья ДООИЛЬНИЦЫНА

Масштаб войны поочередно то уменьшается, то увеличивается, это можно проследить в истории человечества. Войны Древнего Мира начинались как локальные конфликты, а затем привели к крупным войнам, в которых участвовали Римская империя, Парфянское царство и страны имперского типа — Египет, Ассирия. До великого переселения народов (5-8 века н.э.) столкновения разных государств не были масштабными. Следом наступил период раздробленности, когда территории делились на несколько маленьких кусков, и задача войны была не захватить материк или страну, а присвоить себе несколько деревень. Но в 14-15 веках произошел новый крупный конфликт — Столетняя война между Францией и Англией.

Если раньше борьба между государствами шла за владение территорией, то с 15 века добавилось еще и желание одной из ветвей христианства господствовать. Из-за этого через столетия вспыхнула Тридцатилетняя война (1618 — 1648). Далее — снова частные столкновения, переросшие в семнадцатом веке в конфликты, затрагивающие половину Европы. Далее — локальные войны, Наполеоновские войны, снова локальные войны. А затем — две Мировые войны. Вторая Мировая была настолько глобальной, что стало

понятно: войны больше не смогут быть масштабными, потому что это ведет к применению ядерного оружия. Но человек, который придумал войну и теперь с удовольствием в нее играет, все-таки нашел выход. Это войны гибридные, которые ведутся в информационной сфере, и прокси, осуществляющиеся «чужими руками». То есть непосредственно воюют государства-марионетки, но стоят за ними государства-кукловоды.

Получается, желание воювать в нас заложено, нам это необходимо. В войне мы всегда видим решение конфликта и что самое страшное — это работает. «В конце девятнадцатого века Германия провозгласила себя Империей, а это значит, что теперь ей нужны колонии для поддержания экономики и политического статуса. Но

немцы немного опоздали — все колонии были поделены, на карте не осталось свободных территорий. Канцлер Германии Бисмарк рассчитывал, что можно получить земли без помощи оружия. Вильгельм Второй, император Германии, полагался только на войну. Он не послушал Бисмарка, потому что для императора война — способ продемонстрировать свой авторитет, показать, что он может контролировать других. Намного реже война нужна для стратегических целей развития государства, не отягченных личными интересами правителя», — рассказывает Борис Григорьевич.

С правителями я более-менее разобралась — они начинают войну либо как Петр Первый, понимающий, что без этой борьбы невозможно развитие России, либо как Вильгельм Второй. А вот для народа, где среднестатистическому человеку легко привить какую-либо точку зрения, существует идеология, которая постепенно, на протяжении нескольких поколений, внушает население, об этом мне рассказал подробнее Борис Григорьевич. Так, в начале девятнадцатого века были популярны романтизм и роман «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго. Читая эту книгу, кто-то отметил

то, что сюжет развивается в типичном французском городе и все герои — французы, даже Эсмеральда, которую, как оказалось, в детстве украли у матери-француженки цыгане. «Так, может, задача литературы обратиться к национальным корням? Может, для этого и был написан роман?» — думает француз. Что происходит дальше — этот читатель, решив, что литература создана не для того, чтобы пробуждать в человеке нравственные чувства, побуждать к размышлению над вечными вопросами жизни, а лишь для того, чтобы какой-то народ ощутил значимость своей национальности. Эта идея становится одной из опор национализма, который в двадцатом веке перерос в мировую трагедию.

«Те, кто не наши, должны исчезнуть», — это средневековый лозунг, который взяла за основу антисемиты, нацисты и расисты в двадцатом веке. В средневековье такое отношение было к людям другой веры — они чужие, они грешники, они лишние. В двадцатом веке — опять четкое деление на своих и чужаков, а вместе с этим — ненависть к не таким, как ты. Жестокость соединяется с развитием технологического процесса, начинается мировой конфликт. Вторая мировая война была дистанционной,

пилот мог спокойно сбросить снаряд на деревню, а вечером пойти в театр. Не было ощущения того, что ты убийца, потому что трупов авиатор не видел. Но человеческие отношения часто появляются и на войне. Борис Григорьевич рассказывал, что на Восточном фронте в Великую Отечественную бойцам приходилось больше месяца сидеть в окопах. Начиная появляться связь между врагами, советские и фашистские солдаты перебрасывали друг другу то, чего не хватало, иногда переговаривались на ломаном русском или немецком языках, играли «Катюшу». Когда враг близко и долго находится рядом с тобой, он снова становится человеком. И война заканчивается.

Самое страшное — это то, что война естественна для человека, и человек и хочет, и не хочет ее, потому что раны после войны не заживают, а зарубцовываются только после смерти нескольких поколений. И, казалось бы, все виды войн мы, люди, уже знаем, все причины возникновения конфликтов изучены, но это не заставляет нас прекратить конфликты. Нам кажется: если что, на всякий случай всегда есть ракеты, винтовки, а если нет — информационная изоляция, холодная война.

С другого берега

Прошлой весной я два месяца жила в Германии по программе обмена. Так случилось, что мое пребывание пришлось и на 8 мая. В Германии это день окончания Второй мировой войны, или «День Освобождения». Я с некоторой неловкостью и интересом ждала его, чтобы посмотреть, как двойственная для немцев дата отмечается в их стране. Оказалось — никак. Учителя ни слова не сказали в течение учебного дня. Ученики ничего на эту тему ничего не обсуждали на переменах. В Дрездене не было ни единого плаката, флага, ленточки. Моя подруга на вопрос о том, что для нее 8 мая, удивленно переспросила, что я имею в виду. Этот день был для нее просто одним из многих веселых, теплых, легкомысленных — майских. Сначала я подумала, что это говорит об отсутствии памяти о войне. Но на самом деле все обстоит по-другому.

Полина ЗОБКОВА

В Германии действительно нет ни одного государственного выходного, посвященного войне. В России о 1941-1945 говорят как о Великой Отечественной, то есть о той части Второй мировой, которая обернулась для страны миллионами жертв. Для Германии национальной трагедией стало другое — приход к власти Гитлера и возможность осуществления холокоста. Каждый школьник в Германии знает про «Ночь разбитых витрин» — 9 ноября 1938 года, когда военные и простые граждане громили магазины, здания и синагоги, принадлежавшие евреям. Сейчас в эту ночь в домах, в которых жили евреи, ставят свечи перед дверями или у «каменной преткновения». Это маленькие латунные таблички, вмонтированные в тротуар, на которых написаны имена жертв нацизма. То, что немцы говорят больше о режиме Третьего рейха, чем о самой войне, обусловлено и послевоенной историей.

После Нюрнбергского процесса взяли за уничтожение нацистской идеологии в обществе. В кинотеатрах показывали фильмы из концлагерей, и какое-то время их обязательно было смотреть, чтобы получить продовольственную карточку. Немцев делили на виновных и непричастных к режиму, воспитывалось новое, денацифицированное общество. Говорить о солдатах вермахта и об оценке военных действий стали лишь в 2000-х. Поэтому на вопрос «Что вам рассказывают о войне?» немцы уточняют: «О холокосте?». «Мы говорим о холокосте почти на каждом предмете. В девятом и десятом классе Второй мировой войне посвящено много уроков истории. Иногда показывают кадры, снятые в концентрационных лагерях. Когда видишь горы трупов, начинаешь осознавать ужас этого всего. Я помню, как была потрясена и чувствовала себя виноватой, как будто сама совершила эти преступления», — рассказывает ученица одной из дрезденских гимназий, 17-лет-

няя Лиза Бениц, — Я думаю, что Вторая мировая война коренным образом изменила наше национальное сознание. Вряд ли найдется немец, который бы сказал, что он гордится своей страной». Немцы любят свою родину, но понятие гордости для них болезненно — это обратная сторона признания исторических ошибок.

Удивительным для меня стало то, что немцы часто проводят параллели между событиями середины двадцатого века и современностью. «Я думаю о национал-социализме, когда слышу в новостях о действиях правых экстремистов или о демонстрациях фашистов. Каждый раз я спрашиваю себя, действительно ли эти люди одобряют то, что произошло в Третьем рейхе и хотят его вернуть, или же они просто не хотят оглядываться на историю», — говорит 17-летняя Эмили Грейфенберг из Саксонии. В Саксонии правый экстремизм действительно является проблемой. Так, 7 октября 2019 года, в еврейский праздник Йом-Киппур,

немец с оружием пытался ворваться в синагогу в разгар службы, проводя видеотрансляцию своих действий.

Но это не единственная параллель. По всей Германии набирают правые партии, которые предлагают уменьшить взаимосвязь со странами ЕС и решить проблему миграции из стран третьего мира. В чем их схожесть с националистами? Пожалуй, в популизме агитации. Главная правая партия «Альтернатива для Германии», которая во многих федеральных землях занимает по популярности второе место, известна своими провокационными предвыборными плакатами. Один из них — фотография сзади двух женщин в купальниках и подпись: «Паранджа? Мы предпочитаем бикини!». Общество делится на две части: тех, кто видит «Альтернативу» единственным стоящим представителем от народа, и тех, кто считает е е

популярность катастрофой.

Когда живешь обычной жизнью, раскол в обществе чувствуется не так сильно. Политические и исторические вопросы уступают будничным заботам. Поэтому в Германии вопросы уступают будничным заботам. Поэтому в Германии я не была окружена вопросами вроде: «Что ты думаешь о Второй мировой?». В моей памяти остались только некоторые разговоры — рассказанные за чаем воспоминания. Женщина, в семье которой я жила два месяца, пережила войну — встретила ее в тридцать девятом году трехлетним ребенком. Она рассказала мне однажды вечером о том времени. О том, как о н и

детьми не слушали предупреждений родителей и бегали играть в поле. И о том, как в сорок пятом жители ее деревни пять дней прятались лесу от оккупантов, о стыде за свою историю. За окном было темно, мы сидели на кухне, и буднично-мирное соседствовало со страшным. В тот момент я подумала: не так важно, воспитан человек на рассказах о блокаде Ленинграда или о бомбежке Дрездена. Отношение к войне, человечности у нас схожи.

Идеологический (бес)предел

В воздухе повис запах паленого человеческого мяса. Хотя для кого человеческого, а для кого нет. Несмотря на одинаковое биологическое строение людей, схожие потребности, мысли, религии, в первой половине двадцатого века в Германии появились первые «истинные люди». Этих «людей» в итоге возненавидит весь мир, и на то будут веские причины. Я хочу разобраться, откуда взялась эта «бесчеловечность» у нации, которая сегодня ассоциируется с педантичностью и тактичностью.

Роман ГРИШКО

Говоря о нацистах, многие часто забывают, как пострадал от них немецкий народ. Не все были солдатами, не все разделяли взгляды Гитлера, немцы точно также жили в страхе, как и позже вся Европа. Арийская идея «очищения» всего мира от «мусора» началась с «очищения» самой Германии. Первыми пострадали немецкие коммунисты и их партия, которая до 1933 года представляла наибольшую угрозу Гитлеру и его партии НСДАП. После прихода последнего к власти, коммунистическая партия была запрещена по обвинению в поджоге Рейхстага. Из 300 тысяч ее членов половина была арестована. Именно они стали первыми жертвами концлагерей. Десятки тысяч были расстреляны на месте. На повестке дня нового правительства встал еврейский вопрос. К 1938 году угнетения и лишения прав евреев переросли в известное сегодня всему миру слово «холокост». Истребление. (Примечательно, что они начались в Нюрнберге с «Закона об охране германской крови и германской чести», и именно в Нюрнберге в итоге будет проведен Международный военный трибунал, определивший судьбу большинства офицеров Нацистской Германии после войны). Вскоре, как и планировалось, из масштаба одной страны, оно переросло в мировой. В одной

Польше, по опубликованным Советским Союзом в 1960 году данным, было истреблено 85% еврейского населения. В пересчете на души — 2 миллиона 800 тысяч человек.

Но давайте все-таки вернемся к тому, о чем я говорил ранее. О причинах озлобленности Германии на весь мир. Самая главная из них, на мой взгляд, — политическая. После окончания Первой мировой войны у Германии были забраны территории, на которых проживала десятая часть государства. Наступил тяжелый экономический кризис, сопровождаемый ненавистью Европы к немцам. «Главная причина прихода к власти Гитлера — общеевропейский лозунг «Боши заплатят за все». Боши — это презрительное прозвище немцев, которых обвинили во всех бедах Первой Мировой. Их обязали выплачивать все поствоенные расходы, что привело к катастрофе в экономике страны. Руководство Веймарской республики старалось выполнить все пункты — а от них требовали все больше и больше. Как итог, немцы пошли бы за теми, кто бы сказал: «К черту позорные условия! Выполнять мы их не будем, всем дадим работу и хлеб!». А нацисты в это время заявляют людям: «Германия войну не проиграла, ни одного вражеского солдата не было на территории рейха! Да это евреи, англичане и

коммунисты довели до революции 1918 года, спросим с них за все!». И народ поверил. А Гитлер на государственных подрадах дал работу и еду», — говорит Первый историк Вадим Алексеевич Венжега.

Самое главное, на что надо обратить внимание, на мой взгляд, — немцы не понимают за что с ними так поступают. Поколения сменились — немецкие офицеры, которые воевали в Первой мировой были либо убиты, либо арестованы. Оставшиеся же встанут во главе нового правительства (одним из них и будет Адольф Гитлер). Простой солдат не знал, для чего

воюет, что значит термин «война за колонии» и почему его лишают прав. Остальное же население, которое в итоге пойдет за нацистами, во время Первой мировой войны было гражданским: дети, женщины.

Следующей причиной, подтолкнувшей страну к террору, я могу назвать пропаганду. В очень многих странах, особенно тоталитарных, это один из самых лучших и удобных инструментов в руках государства.

Пропаганду, основателем которой стал непревзойденный филолог и знаток немецкой истории Пауль

Йозеф Геббельс, нацистское государство подавало очень качественно. Промыть человеку мозги можно и за час (в отдельных случаях это занимает больше времени, но таких случаев в Германии того времени не было — все решалось просто и быстро: одним выстрелом). А Геббельс с Гитлером между тем не стыдились использовать самые изощренные и в прямом смысле «святые» способы манипулирования умом граждан — веру. Простым немецким гражданам внушали не только, что кругом враг, но что немецкая раса — высшая раса. Здесь нацистам помог факт тесного сотрудничества с католической церковью почти повсеместно верующего немецкого народа. Идея заключалась в том, что человек всегда убивал животных ради своей выгоды. Бог создал животных, чтобы человеку хорошо жилось. А Гитлер внушил людям, что арийцы, истинные люди, и что других людей Бог создал, как и животных. А теперь эти «другие» угнетают истинного человека, поэтому их популяцию нужно сократить.

Последняя причина — культ личности Гитлера. Он позволил немецкому народу ощутить себя «высшей расой», а он стал для людей новым «Богом», способным вывести народ из безвыходной ситуации, построив иде-

альное государство.

Это было во многих странах того времени: от союзников Германии — Румынии, до главного врага нацистов — СССР. Но об этом факте забывать нельзя.

Подводя итоги, можно задать вопрос: «А что из себя представляет сформировавшийся к 1933 году в Германии националистический строй?» Если коротко, то в основе его была идея объединения. Взять за основу фашизм и трансформировать во что-то более радикальное, более объединяющее. «В нашей стране германских нацистов называют фашистами по привычке, а может, и по ошибке. Фашизм — это идеология, созданная итальянцами. Фашисты несли за собой простую идею: «Мы самые лучшие, но и другие пусть живут». Нацисты же эту идею дополнили: «Мы лучшие, сверхлюди, один народ, одна страна, один фюрер. Остальные и жить не должны», — комментирует Вадим Алексеевич Венжега.

Началась новая веха в истории немецкого народа: ему предстояло начать осуществление идей так долго набравшего темпы в мире реваншизма. По уверению фюрера, «истинный арийский солдат станет мечом, который, наконец, очистит кровь миру, вскрыв ему вены». И действительно, именно этот солдат развяжет событие катастрофических масштабов. Вторую мировую войну.

Девичья коса

Мария ЛИМАРЕНКО

Большинство людей, не ушедших на фронт во время Великой Отечественной войны, не видели фашистов. Мои родственники же жили с ними под одной крышей.

Когда началась война, моей прабабушке Марии Тимофеевне было шесть лет. Ее семья жила в деревне Петрищево. Через неделю после начала войны пришли немцы в деревню и расположились в самом большом доме. Здесь и жила моя прабабушка с сестрой, двумя братьями и мамой. Отец ушел на фронт, а старшую сестру немцы сразу увезли в Германию. Как и на всей захваченной территории, в Петрищево нацисты устанавливали свои правила. Одним из таких правил было передавать фашистам любое известие с советского фронта. Однажды партизан тайно доставил моим родственникам письмо от отца. Письмо удалось спрятать, его надо было сжечь сразу после прочтения. Но так как за очень долгое время это была первая

весть от Тимофея, никто так и не решился на это. Фашисты как-то узнали о письме, приказали обыскать весь дом, и у кого найдут письмо — расстрелять. Тогда двенадцатилетняя сестра моей прабабушки Нина спрятала письмо себе в косу. К счастью, его не нашли.

Немцы не всегда проявляли жестокость к местному населению. В одну из военных зим прабабушка каталась с горки с другими деревенскими детьми, по неосторожности

упала и сильно ушибла голову. Обработали, перевязали и вылечили ее рану именно немцы.

Через несколько лет война закончилась. Моя прабабушка пережила ее. Она умерла за год до моего рождения, и я слышала истории о ее военном детстве от своей бабушки. Мне жаль, что я не смогла послушать рассказы Марии Тимофеевны. Я бы хотела узнать больше о своей прабабушке.

Цена военного молока

Мария БОНДАРЕНКО

Мой дедушка Владимир Бондаренко как-то раз рассказал мне историю своего военного детства на Кубани: «Когда я был маленьким мы с моей мамой жили в станице Староминской.

До войны она работала медсестрой в больнице, а затем, когда в станицу пришли немцы, мама подпольно помогала партизанам: передавала им медикаменты.

Я на всю жизнь запомнил один день. Однажды мама смогла достать для меня молоко и тут, как назло, к нам пришел старый немец и русский молодой полицейский, который перешел на сторону нацистов. Увидев молоко полицейский опрокинул кастрюлю, и мама начала кричать на него. А я

в тот момент вцепился ему в щеку и расцарапал ее. Он начал кричать что-то вроде: «Большевистское отродье!» — потом достал саблю и хотел зарубить нас, но старый немец остановил его, схватив за руку. Позже мы с мамой попали в список «неблагонадежных», потому что мой отец был командиром полковой разведки. В списке было одиннадцать человек (семь командиров

Красной армии), в том

числе и дети. Утром на рынке стояли виселицы, и мы ждали скорой смерти. Но так как моя мама была подпольщицей, а линия фронта находилась всего в нескольких километрах, кто-то сообщил, что нас хотят повесить и нагрянула рота разведчиков, которая спасла нас от смерти. Командир роты взял меня и годовалую девочку на руки и закричал: «Смотрите каких ребятшек хотели убить!». Сейчас мне это кажется какой-то героической историей. А дедушка не хочет вспоминать, как страшно было, когда понимаешь, что через несколько часов можешь умереть.

В квартире

Дарья ДОИЛЬНИЦЫНА

С этой квартирой у меня связано все детство — в большой комнате я раньше ночевала каждую пятницу, когда приезжала к вам в гости. Теперь здесь тихо, в соседнюю комнату открыта дверь. Там я сидела с тобой, бабушка, рассматривала твои альбомы. Первая фотография — ты, сестра, брат и мама. Одного фрагмента фотографии нет — в кадр случайно попал фашист, и его обрезали. Жаль, что так нельзя с памятью.

Ты родилась в 1938 году, твоя сестра Света — в 1940. 1941 год — вы обе малолетние узницы, которых немцы гнали из родного дома в Прибалтику. Я не помню все, что ты рассказывала о своем детстве. Помню, что тетя Света выпала из телеги, твоя мама побежала искать годовалую дочку, нашла ее в танковой колее, живую. Помню, что ты рассказывала о Прибалтике, как вы жили в доме у одной женщины, тебя заставляли пасти ее гусей. Гуси больно щипали тебя за пятки. В это же время ты начала стараться постоянно что-то делать. Стирать вещи всех детей, делать что угодно, только чтобы себя занять. В тебе это осталось и передалось мне.

Еще ты рассказывала, как увидела отца впервые за время войны. Его принесли домой на носилках, он был болен туберкулезом. А мама была строгая. Всегда строгая, наверное, так она пыталась уберечь вас от опасностей.

Мне очень больно, что все это я помню только отрывками. Но хорошо помню, как ты рассказывала уже слабым голосом

все эти истории. Я слушала, я всегда их слушала. Я слишком поздно осознала, что ты все это пережила. Ты даже представить себе не можешь, как я жалею. И как я скучаю. И как не могу смотреть на приоткрытую дверь.

Сейчас мы сидим с дедушкой за столом, перед нами несколько писем его отца, Александра Семеновича. Дедушка, его брат Толя и мать во время войны жили в Ленинграде. Единственное воспоминание об отце — как дедушка качается еще до войны на его ноге, очень счастливый. 9 августа отец погиб под Нарвой. Матери пришла похоронка. Дедушка, помнит, в каком платье она сидела вся в слезах, читая ее.

Воспоминания как вспышки. Вот город, в котором нет ни кошек, ни птиц. Только крысы. Вот мой прапрадедушка. Лежит. Дедушка дергает его, а он не реагирует. Приходит мама, вызывает службу, дедушку увозят. Потом эвакуация, это было 22 марта 1942 года. Тогда еще был лед. Их везли в закрытом фургоне, ночью, с выключенными фарами. Привезли в Кабону, на другой стороне Ладоги. Оттуда — в город Сокол. Когда на станции формировали поезда, дедушка с братом сидели в телятнике, когда вагоны соединяли между

собой, в это время мама ушла за водой. Поезд поехал, мамы нет. Дедушка зарыдал, дядя Толя — брат, достал финку и пригрозил зарезать брата, чтобы тот успокоился. Потом город Сокол, учеба в первом классе, потом возвращение в Ленинград, но без брата, которого отправили на Восток, на войну с японцами. Развалины церкви недалеко от улицы Куйбышева, казаки-разбойники, беготня — детство.

Я иногда не верю, что все это было с тобой, дедушка — тебе уже скоро восемьдесят три года. Это так странно — сидеть в комнате, смотреть на письма нашего прадедушки. Вглядываться в твои глаза, бояться, что ты сейчас не выдержишь. Наверно, я боюсь осознать, что война — это и твоя история, твоя боль, твои переживания. Мне самой хочется рыдать, я не знаю, почему — может быть, потому что я тебя люблю и чувствую с тобой одно и то же. Потому что нам обоим тяжело. У нас одинаковое выражение глаз, когда мы читаем письма твоего отца, ты же это тоже замечаешь. Мне очень дорога эта комната, письма. Ты мне дорог.

Запах яблок

Арина КОРЯБИНА

Одно из воспоминаний, связанных с моей прабабушкой — маленькая комната, старый деревянный шкаф, запах лекарств и тертые яблоки. Я не помню лица и голоса, до разговора с родственниками даже не знала ее фамилии. Ее все называли баба Маша. Я буду рассказывать о прабабушке вспоминая то, что говорили о ней близкие, и свои детские ощущения.

Мария Сидоровна Будалева родилась 18 января 1929 года под Брянском. Детство было сложным. С ранних лет Маша много работала и мало спала. Школы в деревне не было, поэтому все дети были без образования. Когда Маше исполнилось двенадцать, началась война. Прабабушка очень редко вспоминала эти годы, а если все-таки начинала рассказывать, то плакала.

Она рассказала моей маме, как всю войну в ее деревне жили немцы. В начале войны мужчины прятались в лесах, становились партизанами. Подростки передавали им информацию, когда ходили за грибами и ягодами. Из-за того, что они не знали цифр, ребята собирали цветы по количеству немецких машин в деревне и дарили букеты партизанам.

К русским немцы относились дружелюбно, например, в

начале войны давали детям конфеты, хлеб. Но в конце войны детей перестали угощать. Еда в деревне почти закончилась, ее хватало только немцам. Тогда мама моей прабабушки выводила детей на поля. Ранняя весна, снег только начинает таять. Дети рылись в снегу, искали гнилую картошку и делали из нее и сена лепешки. Это сильно повлияло на формирование ценностей маленькой Маши.

После войны прабабушка с мужем и детьми уехала из Брянска в самый дальний уголок Советского Союза — на Дальний

Восток. Они думали, что спрячутся от тяжелых воспоминаний. Верили, что это изменит их жизнь. Но страхи укоренились так глубоко, что даже через много лет они будут проявляться. Мама вспоминает, что баба Маша была очень бережливой. Покупала одежду на десять лет вперед. С прадедушкой часто ходили по улице и собирали то, что выбрасывали люди: опилки, щепки, одежду. На вопрос, зачем они это делали, отвечала просто: «Зачем добру пропадать? Одежду перешьем, «бревнышки» пригодятся. Жалко». Внуков ругали и били по рукам, если они начинали играть с хлебом. Страх голода был самым сильным.

«Баба Маша никогда не верила в хорошее. Все воспоминания — о боли. Глаза — в слезах. Самая частая фраза «Ой, беда, беда». Когда я была маленькой, не понимала ее. Она все время причитала, что скоро умрет», — вспоминает сейчас моя мама.

Но прабабушка прожила долго — семьдесят восемь лет. Пережила мужа и двоих детей. Мне было пять лет, когда я ее видела в последний раз. Помню, что боялась заходить в ее комнату, хотя она была светлой и теплой, а от бабы Маши такой теплоты я не чувствовала. Ее страх и боль передавались другим. И теперь запах яблок и лекарств ассоциируется у меня с чем-то холодным. Ассоциируется со смертью.

Поколение

Газета зарегистрирована Северо-Западным Региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати. Рег. № П1867 от 16.02.96

Адрес: 191023, Санкт-Петербург, Невский пр., 39, Главный корпус, каб. 315
Телефон: 314-99-91
Сайт: pokolenie-online.ru

Издание газеты за счет субсидий из бюджета Санкт-Петербурга на выполнение государственного задания, за счет средств от приносящей доход деятельности.

Учредитель: Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных
Редакторы выпуска: Роман ГРИШКО
Дарья ДОИЛЬНИЦЫНА
Технические редакторы: Дарья ДОИЛЬНИЦЫНА
Роман ГРИШКО

Дизайнер: Серафима ЧЕСНОКОВА
Корректор: Марина ПЧЕЛИНЦЕВА
Руководитель, главный редактор: Светлана Николаевна КАРПОВА
Все материалы номера написаны учащимися Школы журналистики Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных.

Время подписания в печать: по графику — 23:50, 26.02.20 фактическое — 9:00, 27.02.20
Печать в типографии: ООО «Санкт-Петербургская объединенная типография», 198097, Санкт-Петербург, ул. Третьякова, д. 2
Заказ № 216. Тираж 1000 экз. Распространяется бесплатно